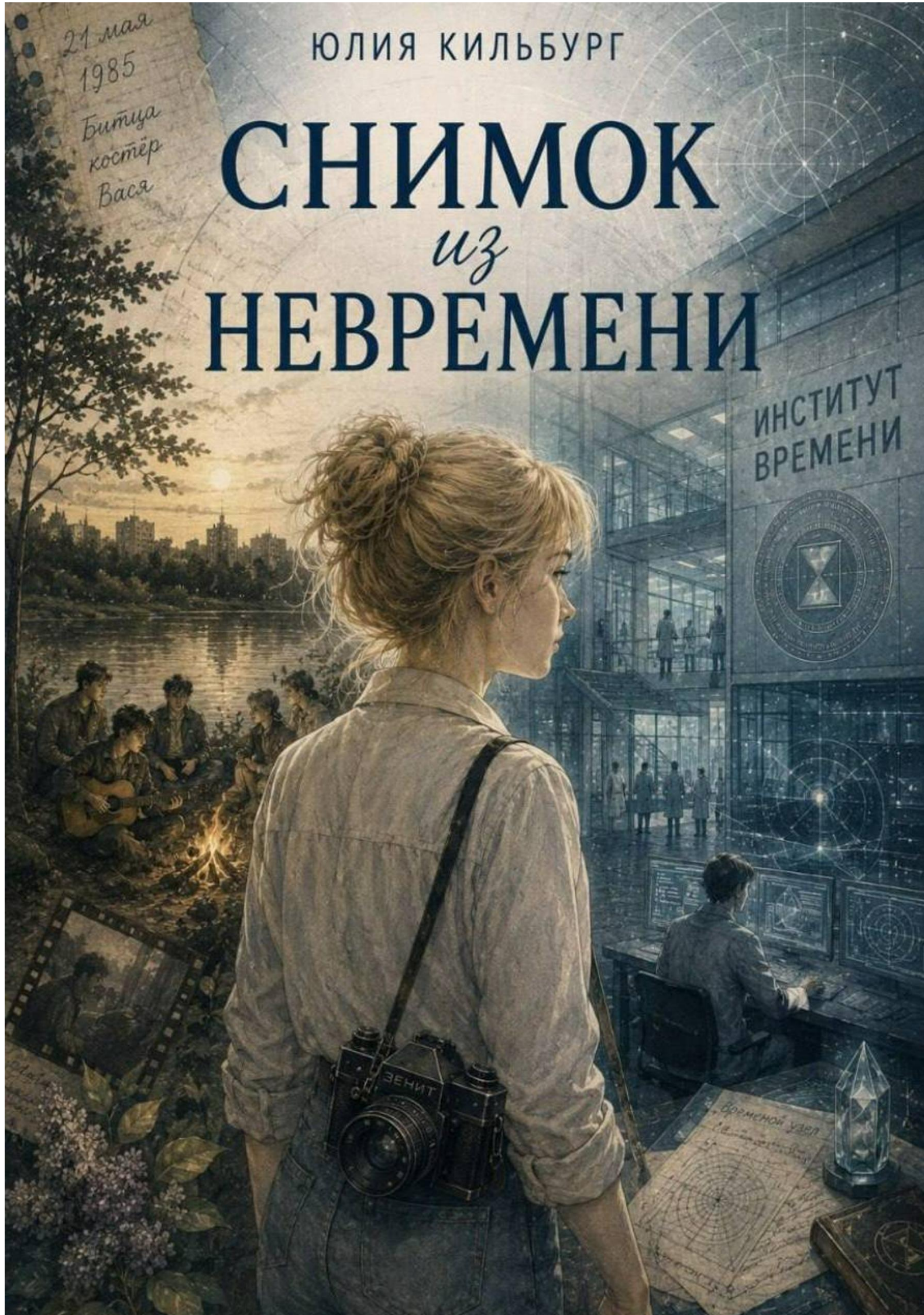

21 мая
1985

Битца
костёр
Вася

ЮЛИЯ КИЛЬБУРГ

СНИМОК *из* НЕВРЕМЕНИ

ИНСТИТУТ
ВРЕМЕНИ

Юлия Кильбург

Снимок из невремени

«Автор»

2026

Кильбург Ю.

Снимок из невремени / Ю. Кильбург — «Автор», 2026

Студентка Института времени Алиса Воронцова мечтает только об одном: закрыть сессию и не вылететь из университета. Шанс исправить положение появляется неожиданно. Ей предлагают отправиться в 1985 год и распутать временной узел, возникший в одной из московских школ. В прошлом Алиса встречает Васю Озерова - талантливого старшеклассника, который пишет стихи, мечтает поступить в Литературный институт и отчаянно не хочет жить по чужим правилам. Очень скоро Алиса узнает, что через одиннадцать лет он погибнет. Она знает дату его смерти. Знает, что время нельзя изменить. Но с каждым днем ей все труднее оставаться равнодушным наблюдателем.

© Кильбург Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Не та Алиса	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Юлия Кильбург

Снимок из невремени

Глава 1. Не та Алиса

Тик-так. Тик-так. Тик-так.

Тик-тик-тик.

— Так-так-так, — барабаня пальцами по парте, вторила я надоедливym механическим часам на стене. Ещё немного, и сойду с ума. Кто вообще придумал вешать механические часы в аудиториях в 2068?

Запах свежей голубой краски, которой небрежно выкрасили ещё вчера зеленоватые стены, выбивал остатки кислорода из лёгких, раздражая оголённые нервы. Я надавила ногтями на ладонь. Боль дала драгоценные секунды, чтобы привести мысли в порядок.

Вчера я во второй раз провалила тест по чернавинской системе счисления, не набрав даже четверти баллов для зачёта. Задачи, расчеты, формулы, в которых разобраться мог только опытный практик, но никак не теоретик-культуролог, ночным кошмаром преследовали меня уже две недели. Пересдача теперь казалась непозволимой роскошью, и стоило придумать хорошее оправдание для заведующей кафедры, чтобы не отчитываться потом перед комиссией. Но все мои оправдания звучали жалко и неубедительно. К тому же браслет на руке предательски блестел зеленым светом. Соврать, что два дня назад я лежала с температурой не получится.

Я уже в красках представляла, как буду влачить жалкое существование вечного лаборанта без перспектив на хорошее исследование, но тут в коридоре раздались шаги. Я бы сжалась в клубок, как ёж, или зарыла бы голову в песок, как страус, если бы могла. Но я не могла, поэтому пришлось напрячь все мышцы лица, чтобы выдавить улыбку.

— Здравствуйте, Галина Васильевна!

— А, Вы уже здесь, — голос профессора звучал мягко и буднично, будто она пришла не отчитывать меня, позор кафедры, а попросить стряхнуть пыль с верхних полок архива.

Галина Васильевна мне нравилась. Про таких людей говорят, что они с огоньком. Она искренне любила то, чем занималась: много времени проводила в институте, помогала студентам, в научной работе и даже отправлялась на сопровождение в прошлое, если очень просили. В общем, никаких изъянов в этой женщине, чуть за пятьдесят, не было, кроме, пожалуй, того, что её должность обязывала проводить воспитательные беседы с неудачниками вроде меня.

Галина Васильевна поставила на стол небольшую коробочку, а затем подошла к окну и, отворив его двумя нажатиями, задумчиво посмотрела вдаль. За окном шумела Москва, нарядная и весёлая в свете тёплого майского дня. На нижних ярусах гудели рельсовые беспилотники, где-то далеко, за огромным лесопарком, отделяющим институт времени от города, небо бороздили летательные капсулы. Когда я поступала в институт, такие ещё были редкостью. Теперь половина столицы перемещалась по воздушным трассам, а бабушка всё равно продолжала утверждать, что нормальный транспорт должен ездить по земле.

Город за стеклом жил, как огромный муравейник, и, казалось, только в огромной аудитории с недавно выкрашенными стенами царила тишина. Мне показалось, что я даже стала различать гулкое биение собственного сердца.

— Посмотрите, что внутри. Что думаете? — тихий голос Галины Васильевны майским ветерком пронёсся по рядам.

Я аккуратно отодвинула крышку и тут же не сдержалась, выдав издевательский смешок.

— Интересно, где делают такие времянки? — тревога заставляла говорить все быстрее, чтобы только не оставаться в гнетущей тишине. — Первый раз вижу. Ужасно неудобно же. При

маленьком кристалле времени возможна нестабильная работа механизма. А кристалл стандартных размеров сюда просто невозможно разместить.

— Атрибуция, — остановила меня Галина Васильевна. — Алиса Константиновна, мне нужна лишь атрибуция аппарата.

— Фотоаппарат «Зенит-Е», 80-е годы двадцатого века, СССР, — уверенно отозвалась я.

Да, с чернавинской системой счисления не вышло, но в атрибуции я что-то соображала. Тем более, догадаться о модели фотоаппарата было несложно: всё было написано на корпусе.

— Да, это он, — профессор задумчиво кивнула. — А что там с кристаллом времени?

Рычажок сбоку оказался достаточно тугим, но я справилась. Корпус щёлкнул, обнажая внутренности «Зенита». Запах пыли и старого железа тут же ударил в нос, пробуждая воспоминания о бабушкиных бумажных книгах и дедушкиных железяках в гараже.

Никакого кристалла под корпусом не оказалось.

— Тут плёнка...

Моё заявление её несколько не удивило. Будто фотоаппараты, которым под сотню лет, с заправленной плёнкой внутри ей приносили каждое утро вместе с кофе.

Я осторожно достала катушку. Кончик ленты свисал вниз, и вдруг меня осенило.

— Она проявлена! Кто вообще станет вставлять проявленную плёнку обратно в фотоаппарат?

— Разверните, Алиса.

Голос Галины Васильевны прозвучал неожиданно жёстко. По спине пробежали мурашки. Руки похолодели, как перед прыжком во времени.

«Не надо», — шепнул внутренний голос, но я его проигнорировала.

Ещё чего! Как будто я каждый день вижу вековую плёнку. Второго такого шанса точно не будет, из архива такой экспонат придется ждать неделями.

Лента с потертыми кадрами развернулась спиралью вниз. Кадров было двадцать четыре. Я направила пленку на свет. Молодые лица замелькали перед глазами. Девушки в платьях с белыми кружевными фартуками, юноши в пиджаках. Все такие юные, счастливые. Цветы, банты, солнце, парты. И ощущение совсем другой, размеренной жизни.

— Выпускной? — предположила я.

— Выпускной 1985 года. Пятнадцатая школа.

Я подняла глаза.

— Та самая?

Галина Васильевна кивнула.

Пятнадцатая школа давно стала Институтом времени. Ещё в середине века общеобразовательные школы начали закрывать одну за другой. Кому нужны огромные здания, если большую часть программы можно пройти на образовательных интенсивах и в виртуальных классах?

— Вам не говорили на кафедре, что в 1985 образовался временной узел?

— Нет.

Если честно, в последние недели я вообще мало что замечала вокруг. После очередного провала по чернавинской системе счисления оставалось либо учиться, либо паниковать. Обычно я успевала делать и то и другое одновременно.

— Узел обнаружили несколько дней назад, — продолжила Галина Васильевна. — Один из сотрудников отклонился от протокола. Теперь у нас две конкурирующие временные линии.

Я вздохнула. Узлы во времени не были такой уж редкостью: раз в полгода мы стабильно на них натывались. Они стали образовываться из-за деятельности институтов времени по всему миру. Ученые вмешивались в дела давно минувших дней и порой что-то шло совсем не так, как должно было.

Институты были созданы в 30-х годах двадцать первого века, когда физики наконец научились перемещаться между настоящим и прошлым. Наука дала возможность построить

новый мир: с помощью расчетов и детального анализа, проводимого искусственным интеллектом, стали возможны незначительные корректировки событий в прошлом, улучшавшие наше настоящее: конечно, вернуться в прошлое и отговорить Гитлера от Второй мировой мы не могли, но вот спасти гениальных учёных, вытащив их в наше время, или сохранить памятники искусства, достав их из-под ножа варваров, — вполне.

Я, конечно, занималась куда более скромными вещами. Меня интересовали старые фотографии, мода и всё то, что серьёзные историки обычно называли незначительными деталями. Пока коллеги гонялись за политиками, полководцами и великими учёными, я могла полдня потратить на поиски нужного фотоаппарата или выяснение того, когда именно в моду вошли рукава определённого фасона. Один раз даже специально отправилась в Петербург начала XX века ради выставки фотографий. Ради науки, разумеется. Учёба мне нравилась. Особенно практика. В пятнадцать лет выбор профессии казался авантюрой, но за прошедшие годы я ни разу о нём не пожалела.

— Насколько всё плохо?

— Вчера у нескольких человек начался временной разлад. Симптомы крайне специфичные, но у нас есть около месяца, чтобы стабилизировать их состояние.

Я помрачнела. Вот это уже звучало неприятно.

— Что показывает "Катюша"?

Так мы называли главный вычислительный комплекс института. Официальное название состояло из четырнадцати слов, поэтому даже руководство давно предпочитало короткое прозвище. «Катюша» анализировала временные линии, рассчитывала вероятность изменений в прошлом и выдавала протоколы, которые путешественникам настоятельно рекомендовалось не нарушать.

— Что источник проблемы находится здесь.

Она постучала пальцем по одному из кадров. Я снова поднесла плёнку к свету. Те же лица.

Те же улыбки. Ничего необычного.

— Это же просто школьники. Что можно наворотить в 17?

— Среди этих школьников учились Волков, Ворсенко и Сорокин.

Я чуть не выронила катушку.

— Те самые?

— Те самые.

Троих создателей регулятора космических пространств знали даже люди, далёкие от науки.

— С их последним звонком что-то пошло не так. Теперь побочная линия пытается вытеснить нашу. Понимаете, чем это грозит?

Я молчала. Галина Васильевна тоже не спешила продолжать. За окном шумел город. Тикали часы.

— И что вы хотите от меня?

— Найдите событие, которое запустило узел.

— Вы предлагаете мне распутать узел?

— Я предлагаю Вам не встречаться с комиссией и Валерием Ивановичем осенью. И сессию закрыть автоматом.

Очень подлый аргумент. Я посмотрела на плёнку, на счастливых выпускников, окруженных цветами и шарами. Из-за них вдруг затрещала по швам наша временная параллель.

Что-то внутри настойчиво советовало отказаться от этой авантюры, сдать экзамен самой, не лезть в чужую работу, не связываться с этим фотоаппаратом, этим классом.

Но на кону стояла учёба. Диплом. Свобода от комиссий и Валерия Ивановича Верховшинского, ненавидящего всех студентов-теоретиков. И этот проклятый автомат по сессии, который Галина Васильевна выложила на стол, как козырную карту.

— Хорошо, — сказала я. — Я согласна.

Галина Васильевна улыбнулась.

— Дневник отчёта получите на кафедре. И ещё, Алиса...

Она вдруг посмотрела мне прямо в глаза, будто пронзая насквозь.

— Когда сталкиваешься с побочной параллелью, всегда кажется, что там жизнь могла сложиться лучше. Обычно это иллюзия.

И с этими словами Галина Васильевна вышла из аудитории, оставив меня наедине с противными механическими часами и фотоаппаратом из прошлого века.

— Я ведь об этом не пожалею? — спросила я у разобранного «Зенита».

«Так-так-так», — ответили мне механические часы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.